

**Жизнь как вспышка в
безвременном уме**

ЖИЗНЬ КАК ВСПЫШКА В
В БЕЗВРЕМЕННОМ УМЕ

ТВАРДОВСКИ

Иногда я ловлю себя на мысли, что стою посреди кухни, держу в руке кружку с уже остывшим чаем и не могу вспомнить, как сюда попал. Нет, это не старость. Это просветление на 17 секунд. Потому что именно в такие моменты я ясно вижу: времени нет. Есть Я в эпицентре непрерывного кипения, как чайник, который уже давно сняли с плиты, но он всё ещё шипит по инерции.

Мы живём в иллюзии последовательности. Нам кажется, что сначала был завтрак, потом обед, потом ужин, а потом смерть как десерт, который никто не заказывал. Но, по правде, всё это происходит одновременно. Жизнь – не линия, а костёр, который не существует без пламени, жара, дыма и треска. Нет “потом”, нет “перед этим” – есть только горение.

Сознание не пялится в зеркало заднего вида. Оно не читает сценарий вперёд. Оно пишет пьесу в ту же секунду, когда занавес уже поднят. Всё создаётся и воспринимается в одном акте. И в этом акте мы играем самого себя, точнее, тот сон, где нам кажется, что мы кто-то конкретный, с пропиской, кредитами и внутренними травмами.

А теперь внимай: это не ты живёшь, а тебя проживают. Большое Сознание, устав от вечности и скуки, разделилось на маленькие «я», чтобы поиграть в кукольный театр. Я – это Он, забывший, что Он – это Я. Сажу тут, пишу эти слова, морщусь лоб, ковыряюсь в себе, как в старой библиотеке, а в это время Бог в тапках, отождествлённый с Твардовски, размышляет над метафизикой котлет.

Всё, что ты называешь временем, только это склейка кадров во сне. Как монтаж фильма, где герой уже мёртв, но зритель ещё переживает за него. Прошлое – это просто архив, а будущее – трейлер, собранный из уже отснятого материала. И только в настоящем всё по-настоящему пылает.

Смысл не в том, чтобы проснуться. Смысл в том, чтобы осознать, что и во сне ты был собой. Не вырезкой из сценария, не

функцией, не статистом в массовке, а искрой того самого костра, в котором Бог сам себе рассказывает истории.

Так что я больше не тороплюсь. Не настаиваю, не подсчитываю, не гоню время. Потому что я есть процесс. Я не знаю, как это всё работает, но знаю, что я есть. А этого достаточно, чтобы игра продолжалась.

Иногда мне кажется, что я — это персонаж, который решил выйти за кулисы и спросить у режиссёра: «А что, собственно, происходит?» И услышал в ответ не голос, а тишину. Абсолютную. Ослепляюще настоящую. И в этой тишине никакого ответа, потому что вопрос был задан из сна. А режиссёр — это тоже я. Только тот, который не забыл, кто он.

Мы живём, как будто играем в лабиринт, который строится у нас под ногами по мере движения. Наступаешь, и появляется пол. Ступаешь влево, и вырастает стена. Смотришь назад, там якобы было детство, с его киселями, лужами, страхами. Но попробуй вернуться, и всё распадается, как сон, в который пытаешься войти второй раз.

Люди спрашивают: «Что дальше? Что будет?» Но это как у рыбы спрашивать, в какой момент она переплывёт океан. Она просто плывёт, растворённая в движении воды. Ты не находишься во времени, ты находишься в изменении. Всё, что меняется, живо. Всё, что не меняется, либо камень, либо обман. Даже камень, если присмотреться, медленно уходит в песок.

Сознание — это волшебник. Оно берёт пустоту и наполняет её смыслом. Ты не выбираешь, ты наблюдаешь, как всё выбирается через тебя. Бог, познающий себя через движение мысли, через трепет сердца, через смех, который внезапно вырывается, когда ты один, и сам не знаешь, над чем.

Поэтому я больше не гонюсь. Я наблюдаю. Если мне что-то снится, я знаю, что это тоже Я. Если что-то меня пугает, я знаю, это тоже часть той пьесы, которую пишет мой собственный свет, проецируя её на занавес восприятия.

Хочешь выйти из времени? Перестань думать о нём. Погрузись в звук, в запах, в тишину между вдохами. Там нет чисел, нет секунд, нет «позже». Там только ты. Ты – без имени, без биографии, без контекста. Просто огонь костра, который и есть пламя.

И в этом огне Бог узнаёт себя. Ему не нужно зеркало: ты и есть Его отражение. Только будь честным с собой. Не снаружи, внутри. Не играй роль, которую тебе выдали. Прими её как одну из. И пойми, что сценарий лишь повод. А смысл – ты сам.

И чем дальше я размышляю, тем яснее понимаю: самая большая иллюзия что мы куда-то движемся. Как будто есть некая итоговая точка, финиш, галочка в графе «прожито». Но каждый раз, когда я пытаюсь приблизиться к этой воображаемой черте, мир подмигивает мне и говорит: «Друг, здесь нет километража. Ты не в марафоне, ты в танце».

Время – это всего лишь ритм, по которому ты привык считать шаги. Но попробуй танцевать без счёта, и обнаружишь, что движение не исчезает. Оно становится естественным, как дыхание. Когда я забываю, который сейчас час, я впервые понимаю, который сейчас Я.

Иногда, сидя на остановке или стоя в душевой, я вдруг ловлю странное ощущение: будто я только что родился. В этот самый миг. Без прошлого, без багажа воспоминаний, как чистый лист, который только-только струнули в поток света. И в этот миг всё вокруг кажется невероятно новым: чайник, кошка, тёплая вода на коже. Всё впервые.

И, наверное, так и есть. Мир ведь не хранит архивы, их хранит только ум. Мир рождается вместе со взглядом. И исчезает вместе с морганием. Представление вечности вмещается в одно «сейчас», просто мы слишком заняты, чтобы заметить, как оно случается.

И я всё яснее вижу: всё, что меняется живёт. И всё, что живёт уже является частью единственного процесса, в котором Бог изучает собственные возможности. Когда я смеюсь, Бог пробует

смех. Когда я злюсь, Бог примеряет злость. Когда я устал – это Бог напоминает себе о покое.

Поэтому я перестал обижаться на судьбу. Ведь как ты обидишься на сценарий, если знаешь, что сценарист ты же сам? Просто в другой версии себя, где нет имени и паспорта, но есть бесконечность, играющая в игрушечные миры.

И чем дальше, тем глубже я чувствую: нет смысла сопротивляться изменениям. Как нет смысла кричать на воду, что она течёт. Как нет смысла ругать огонь за то, что он горячий. Я – процесс. Я – огонь, который знает, как гореть. Я – вода, которая знает, что ей нужно течь.

Вечность играет в человека через меня, а я играю в вечность, когда пытаюсь понять, что со мной происходит. Забавно, правда? Такое метафизическое зеркало в комнате смеха.

И всё, что остаётся – это позволить себе быть. Не фиксироваться, не застывать, не изображать мраморную скульптуру, если ты по природе живой поток.

Я есть. Я меняюсь. Я наблюдаю. И в этом движении – всё, что мне нужно знать.

Потому что Бог не ждёт конца истории. Бог пишет её, перелистывая страницы в той же секунде, когда они появляются. Так что я просто продолжаю идти. Или стоять. Или меняться, пока происходящее меня проживает. И в этом, вся тайна, которую я когда-то пытался постичь.

П. Твардовски Псикус Таткин